

М. А. БАЗАНОВ

ДИСКУССИЯ О ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (1946 г.): О РЕЦЕПЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ

В статье на основе материала одной из дискуссий показаны каналы легитимации чуждых марксизму концептуальных построений советской историографией. Во-первых, это манипуляции цитатами из трудов основоположников марксизма-ленинизма; во-вторых, идея Ф. Энгельса о возможности влияния надстройки на ход исторического развития общества.

Ключевые слова: советская историография, «буржуазно-дворянская» историография, марксизм, цитата, базис, надстройка, легитимация.

Дискуссия, развернувшаяся в 1946 г. в журнале «Вопросы истории» вокруг статьи П.П. Смирнова, уже неоднократно попадала в поле зрения исследователей истории советской исторической науки¹. Однако историографы, анализировавшие ее ход и последствия, обращали внимание на концептуальные аспекты полемики. Автора данной статьи более интересуют ее историографическая и методологическая составляющие, а именно – отношение участников обсуждения к работам их дореволюционных предшественников.

Историографический обзор в статье П.П. Смирнова играет роль своего рода отправной точки, определяющей все последующие рассуждения. В целом он представлял собой простейшее реферативное воспроизведение того, что было сказано предшественникам о причинах укрепления Московского княжества и собирания вокруг него русских земель. Стоит отметить: изложение чужих представлений было достаточно корректным, практически отсутствовали откровенные идеологические выпады, даже когда речь шла о таких «персонах нон-грата», как Г.В. Плеханов и М.Н. Покровский (последний, впрочем, удостоился небольшой язвительной реплики: «Однако марксистских рыб, о которых говорит М.Н. Покровский, оказалось не две, а гораздо больше, и самой крупной из них был он сам»²). Но именно это спокойное, формально деидеологизированное изложение подводит читателя к более

¹ Сахаров. 1961. С. 78-79; Сахаров. 1974. С. 82-83; Данилова. 1985. С. 137-138; Юрганов. 2011. С. 7-11, 523-572.

² Смирнов П. 1946. С. 62.

чем неожиданному выводу: «Несмотря на значимый и понятный интерес к проблеме происхождения Русского национального государства, попытки ее разрешения не увенчались успехом, и мы обходимся кое-как подправленными устарелыми представлениями ученых XIX столетия»³.

Основным упреком в адрес коллег стало их отступление от монофакторного видения исторического процесса, обращение при построении объяснительных схем к географическому и, как выразились бы в наше время, этногенетическому фактору, а также фокусирование внимания на роли в возвышении Москвы расположения торговых путей. Так, например, по завершению анализа монографии В.В. Мавродина П.П. Смирнов делал вывод: «Отдавая должное попытке автора сочетать отмечаемые в буржуазной литературе XIX в. причины образования Русского государства с основными достижениями марксизма, мы не можем принять эти заключения как научные достижения. ...Она не соответствует монистической теории исторического материализма и поэтому ненаучна»⁴. И наоборот – главным достоинством изысканий М.Н. Тихомирова, с его точки зрения, является то, что тот попытался свести множество ранее выделяемых факторов к одному (возражения вызывает лишь выдвигание в качестве такового этногенетического процесса).

Еще одно чрезвычайно любопытное наблюдение П.П. Смирнова касалось использования историками трудов основоположников марксизма-ленинизма. Зачинатель дискуссии обратил внимание на наиболее часто приводимые в работах коллег выдержки из трудов К. Маркса, В.И. Ленина, И.В. Сталина и предложил рассмотреть их, не отрывая отдельные высказывания от общего контекста произведения, интерпретировать цитаты с учетом обстоятельств их создания. Его анализ показал, что в большинстве случаев смысл высказываний «классиков» искажался, в результате чего они послужили основой не для создания новой, марксистской картины централизации Русского государства, а для консервации взглядов дореволюционных историков.

Положения статьи П.П. Смирнова представляются интересными с точки зрения современной историографии. Фактически автор на конкретном материале опроверг бытовавшую среди историков исторической науки идеологему о разрыве между дореволюционной и советской научными традициями, причем сделал это во вполне сдержанной, аналитической манере. Однако вряд ли это было оценено теми, о чьем творчестве шла речь в статье. Подобные утверждения не сулили им ни

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 66.

чего, кроме возможности идеологического преследования. Стремление власти усилить идеологический контроль за исторической наукой было заметно уже по проведенному в 1944 г. всесоюзному совещанию историков в ЦК ВКП(б)⁵. Одновременно с рассматриваемой полемикой в Ленинградском университете разворачивается поиск «безродных космополитов» среди филологов⁶. В этих условиях статья П.П. Смирнова могла дать старт новой идеологической кампании, но при этом и сама она содержала крамольные мысли о бессилии советской исторической науки. По-видимому, эту двусмысленность осознала и редколлегия журнала «Вопросы истории», при публикации статьи поместившая в подстрочнике следующий текст: «Редакция не разделяет основных положений статьи проф. П. Смирнова. Однако, учитывая важность поставленной проф. Смирновым проблемы и интерес к ней в советской литературе, редакция печатает статью проф. Смирнова в дискуссионном порядке. Редакция приглашает специалистов-историков высказаться по затронутой проблеме на страницах журнала»⁷.

Историографический обзор подводил читателя ко второй части работы, в которой автор сформулировал, отталкиваясь от идеи развития производительных сил как движущего фактора исторического процесса, свое видение причин объединения русских земель, согласно которому образование Русского государства стало следствием внедрения в Московском княжестве в эксплуатацию сохи-косули и перехода к трехполью. Характерно, что в этой части статьи автор крайне редко обращается к «классикам», выстраивая свою схему именно на данных источника. Впрочем, этот анализ, как показали дальнейшие высказывания оппонентов, страдал огромным числом источниковедческих погрешностей и откровенно малодоказательных утверждений.

Конечно, те, кого затронул П.П. Смирнов в историографическом обзоре, попросту были вынуждены отреагировать на его работу. Парадоксально, но большинство его оппонентов относились к первой советской генерации историков (В.В. Мавродин, И.И. Смирнов, к ней тяготел и К.В. Базилевич, лишь в 1922 г. завершивший учебу в Московском университете), в то время как П.П. Смирнов принадлежал к числу «старых специалистов» и даже неоднократно отбывал наказания за политические преступления⁸. На первый взгляд, роль «ниспровергателя тради-

⁵ Дубровский. 2005. С. 424–489; Юрганов. 2011. С. 229–482.

⁶ См.: Дружинин. 2012.

⁷ Смирнов П. 1946. С. 55.

⁸ О П.П. Петрове см: Дубровский. 1983, 1989, 2005. С. 740–744; Коломиець. 2006.

ции» более подошла бы тем, против кого была направлена статья. Впрочем, это не единственный парадокс развернувшейся дискуссии. Как можно было бы предположить, тот, кто столкнулся с обвинениями в идейном родстве с буржуазной дореволюционной наукой, должен был бы немедленно откеститься от нее, доказать наличие принципиальной разницы, отличия своих идейных построений от идеологически неприемлемых утверждений предшественников. Однако полемика начала развиваться в ином русле. Оппоненты П.П. Смирнова не просто признали эту связь, но и попытались ее легитимизировать.

И.И. Смирнов, критикуя историографическую часть статьи своего однофамильца, упрекнул его в «релятивизме», свойственном историографическим работам М.Н. Покровского, следствием которого стало то, что «все исторические теории о Русском государстве приобрели характер чисто субъективных построений, не стоящих ни в какой связи с предметом этих теорий – объективным процессом образования Русского государства...»⁹. Дореволюционная и советская историческая наука, подчеркнул этим он, имеет единый предмет исследования – существующий независимо от их сознания и управляемый объективными закономерностями исторический процесс, и потому «задача историка-марксиста должна не ограничиваться указанием на классовую сущность исторических теорий буржуазных исследователей, он должен уметь критически оценить их и извлечь то объективно ценное, что есть в ряде этих теорий, отбрасывая в то же время их антинаучную тенденцию»¹⁰.

Рассуждения И.И. Смирнова представляются довольно раскованными. Неизбежно вставал вопрос, как их согласовать с принципом партийности. Насколько далеко можно зайти в «реабилитации» дореволюционных предшественников? В 1920-е гг. для «красной профессуры» были характерны призывы перенять исследовательский опыт «старых специалистов», но речь шла о навыках работы, методиках изучения текста источника, а отнюдь не о концептуальных и тем более теоретических построениях¹¹. Наконец, логическое развитие высказанного автором суждения означало бы стирание грани между советской и современной ей западной историографией, что выглядело уже совершенной идеологической крамолой¹². Пытаясь дать ответ на возникаю-

⁹ Смирнов И. 1946. С. 31-32.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ См., напр.: Шевелева. 2008.

¹² Впрочем, реальная история взаимодействия советской и западной исторической науки сложнее, чем созданный советскими пропагандистами крайне идеологизированный образ (см., напр.: Гордон. 2009. С. 227-271; Крих, Метель. 2014).

щие сомнения, И.И. Смирнов обращается к Марксу. Характерно, что внимание историка привлекает не официально опубликованный при жизни мыслителя научный труд, а его частное письмо к М. Вейдемейеру, в котором Маркс признал, что теория классовой борьбы не является плодом его творчества и позаимствована у французских историков. Однако, подчеркивал философ, лишь Марксу удалось связать классовую борьбу с процессом производства, сделать вывод о диктатуре пролетариата как ее итоге и о дальнейшем установлении бесклассового общества как ее отдаленном последствии¹³. Симптоматично, что И.И. Смирнов не стал воспроизводить текст, ограничившись лишь «глухой» ссылкой. На основании этого письма он делает два вывода: во-первых, немарксистский, в данном случае «буржуазный» характер методологических убеждений историка не исключает «возможность объективных научных открытий»; а во-вторых, «построить подлинно научную теорию общественного развития, и, соответственно, историю человечества, оказался способен лишь марксизм»¹⁴. Таким образом, знания, получаемые на основе марксистской и немарксистской («буржуазной», «феодальной» и т.д.) историографии соотносятся как абсолютная и относительная истина в философии, первая включает в себя вторую. При таком угле зрения совпадение некоторых положений советских историков с идеями «буржуазной» историографии скорее свидетельствует о правоте автора, чем порождает подозрения в его адрес.

Другой участник обсуждения, В.В. Мавродин, много внимания уделил отношению оппонента к высказываниям основоположников марксизма-ленинизма, обвиняя П.П. Смирнова в «легкомысленном отношении» к их текстам, стремлении «по-своему толковать высказывания»¹⁵ тех, чьи слова должны служить исключительно руководством к действию. Для Мавродина не просто текст, но даже отдельные цитаты из него являются абсолютной истиной, данной исследователю в ее первоизданной форме, а потому нет никакого смысла погружать эти высказывания в контекст. Любая их трактовка означает искажение, уход от истины. Там, где цитата давала возможность двойного толкования, ее следовало понимать буквально, а не исходя из общего, заложенного во всем тексте цитируемого произведения смысла. Если у В.И. Ленина централизация государства в XVII в. «вызывалась» ростом внутреннего рынка, то именно он был его причиной, предшествовавшей по времени

¹³ Смирнов И. 1946. С. 31; оригинал см.: Маркс, Энгельс. 1962, С. 426-427.

¹⁴ Смирнов И. 1946. С. 31.

¹⁵ Мавродин. 1946. С. 46.

самой централизации, иных объяснений предполагать не следует (в толковании П.П. Смирнова формирование рынка сопутствовало процессу централизации). Демонстрируя, что истинный марксист не должен гнушаться разработок методологически чуждых ему ученых, он обращается к авторитету К. Маркса, который при написании «Секретной дипломатической истории XVIII века» и «Хронологических выписок» использовал труды Н.И. Костомарова. П.П. Смирнов же, «опорочив источник, которым пользовался Маркс», пытался «опорочить и данную им характеристику»¹⁶. Обращение К. Маркса к Костомарову автоматически легитимизирует последнего (точнее, те из его построений, что были восприняты Марксом) в глазах Мавродина. Правомерность противоположного вывода им не рассматривается. Конечно, подобный подход не только не мог исключить субъективизм и тенденциозное толкование высказываний, но, наоборот, способствовал таковому. Позиция Мавродина не была чем-то исключительным для советских историков¹⁷.

Самое же яркое замечание методологического характера прозвучало в рассуждениях С.В. Юшкова и К.В. Базилевича, в наиболее четкой же форме было сформулировано в подводящей итоги дискуссии редакционной статье. Главным их упреком стало то, что в концепции П.П. Смирнова не проводится разграничение между двумя разными историографическими проблемами – формированием единого централизованного государства и возвышением Московского княжества. Однако, подчеркивал и Юшков¹⁸, и Базилевич¹⁹, именно такая постановка вопроса является одним из главных достижений советской историографии, которая, в их представлении, совершенно естественно вытекает из основ марксистского понимания исторического процесса. Фактически они утверждали, что П.П. Смирнов, декларируя свой разрыв с дореволюционной интеллектуальной традицией, на деле совершал шаг назад, сближаясь с «буржуазно-дворянской» историографией.

Разговор, таким образом, переводился в иную плоскость. Обвинения П.П. Смирновым коллег в отступлении от марксизма превраща-

¹⁶ Там же. С. 46.

¹⁷ Так, например, А.Л. Юрганов применительно к советским историкам писал: «Не имеет никакого значения, насколько то или иное высказывание вождя партии соотносится с историческим контекстом, потому что в каждом классическом тексте выражается вся полнота истины» [Юрганов. 1946. С. 677]. Полагаем, историограф все же излишне прямолинейно толковал присущие советской науке «словесные ритуалы», не замечая скрывающиеся за ними манипуляции.

¹⁸ Юшков. 1946. С. 55, 57-58.

¹⁹ Базилевич. 1946. С. 28, 36-37.

лись в бессмыслицу – он анализировал совершенно не те построения, на которые следовало обратить внимание. Однако дальнейшие их рассуждения представляются странными. Если исторический процесс определяется именно развитием производительных сил (с чем оппоненты П.П. Смирнова не спорили, так как это было равносильно отрицанию основ марксизма), то почему при исследовании постепенного определения центра объединения русских земель следует отказаться от монофакторного подхода? С.В. Юшков писал: «Совершенно нельзя согласиться с П.П. Смирновым, когда он решительно отвергает как антимарксистский учет национальных, географических и торговых факторов при решении вопроса о причинах возвышения Московского княжества с его столицей Москвой», если же, согласно ему, «заранее отказываться от этих факторов, то придется давать какую-то голую абстракцию – предмет вне времени и пространства, – или отказ от учета этих факторов будет только кажущимся», такой подход «ничего не может принести автору, кроме упреков в переходе на позиции экономического материализма и в крайнем схематизме»²⁰. Стремясь «отстоять» географический фактор, он обращается к «Истории ВКП(б)», где указано, что природные условия оказывают влияние на развитие общества. Однако в той же самой цитате, приведенной Юшковым, указано и то, что это влияние не относится к числу определяющих, может лишь ускорить или замедлить общественное развитие. Учет же географического фактора, убеждал Юшков, неизбежно ведет и к учету роли торговых путей. О роли этногенетического процесса было сказано еще проще: «Советские исследователи должны заниматься вопросом об образовании русского (великорусского, украинского и белорусского) народа, поскольку от его решения зависит решение основных вопросов истории русского государства»²¹. Почему и в силу какого механизма образование русской национальности оказало воздействие на возвышение Москвы С.В. Юшков не поясняет.

К.В. Базилевич пошел дальше своего единомышленника: «Автор (П. Смирнов – М.Б.) выступает против плюрализма в истории, т.е. против множественности причин. Но исторический плюрализм может быть различным: один у буржуазных историков, другой – у марксистов». Недостаток первых заключается в том, что они не выделяют среди множества один, центральный фактор развития, либо выделяют его «неправильно, тогда как марксисты рассматривают эту множественность в

²⁰ Юшков.1946. С. 58, 59-60.

²¹ Там же. С. 58.

единстве исторического процесса, в основе которого лежит развитие производительных сил человеческого общества»²². Пожалуй, это самое раскованное среди всех прозвучавших в ходе полемики заявлений – от подобного высказывания до перехода на позиции позитивизма оставался лишь один шаг. Но даже оно не дает ответа на вопрос о том, почему при выделении одного, единого центра русских земель основную роль сыграли факторы, напрямую не связанные с производительными силами (в изображении Базилевича, например, решающим стало обогащение Москвы от принудительного сбора дани с подвластных территорий и приток в княжество представителей феодальной знати).

Замечания С.В. Юшкова и К.В. Базилевича оставляют впечатление недосказанности, умолчания. Критикуя П.П. Смирнова, оба апеллировали к некоему тезису, в их представлении разделяемому всеми, кто имеет отношение к исторической науке. Отсюда и слова Юшкова об объективном течении исторического процесса, не вмещающиеся в узкие рамки методологической схемы его оппонента. Фактически объективность в его рассуждениях становится синонимом очевидности, чего-то доступного для всеобщего понимания. Базилевич все же обратился к теории исторической науки, но не довел этого обращения до логического завершения. Полагаем, оба историка не смогли (или не посчитали необходимым) сформулировать эту исходную точку своих рассуждений именно в силу ее аксиоматического (в их представлении) характера.

За них это сделала редакция журнала «Вопросы истории», а, точнее, Ф. Энгельс в знаменитом письме к Й. Блоху, где он говорил о возможности влияния надстройки на базис. В процитированном редакцией тексте речь идет о том, что производство является «в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете», в то время как «на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многом определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки»²³. Пожалуй, это самое неоднозначное из высказываний основоположников марксизма; характерно, что появилось оно в 1890 г., уже после смерти Маркса. В дальнейшем идея о влиянии надстройки на базис в развернутом виде в трудах Энгельса развития не получила, оставшись, по сути, на периферии его философских воззрений. Приведенный отрывок дает ключ к пониманию того, что на самом деле желали сказать С.В. Юшков и К.В. Базилевич. Главный упрек П.П. Смирнову состоял, выражаясь языком современных историков, в смешении двух уровней исследова-

²² Базилевич. 1946. С. 36

²³ Об образовании... С. 5; оригинал: Маркс, Энгельс. 1965, С. 394-395

ния: «макро»- и «микроисторического». Ход исторического процесса в целом (его основные контуры) полностью зависит от развития производительных сил («в конечном счете»), в то время как мелкие малозначительные события и явления («форма») могли определяться факторами, не имеющими к нему отношения. Конечно же, четкое разграничение двух уровней исследования в советской историографии отсутствовало (да и вряд ли его вообще возможно было провести). Для С.В. Юшкова и К.В. Базилевича определение центра притяжения русских земель было именно таким «микроисторическим» процессом. При этом в целом история России укладывалась ими в марксистские рамки, а создание централизованного государства подчинялось закономерностям, указанным Ф. Энгельсом, В.И. Лениным и И.В. Сталиным.

Подводящая итоги обсуждения редакционная статья поддержала высказанные в адрес П.П. Смирнова возражения (при этом, впрочем, подвергнув некоторой критике В.В. Мавродина и, в особенности, К.В. Базилевича – за его периодизацию процесса централизации Русского государства). Научная дискуссия, к счастью, так и осталась дискуссией, избежав превращения в идеологическую проработочную кампанию. В целом она не отразилась на судьбах ее участников²⁴, что свидетельствует о том, что власть еще не укрепила в полной мере несколько ослабленный за годы Великой Отечественной войны контроль над исторической наукой. В развернувшейся вскоре кампании по борьбе с буржуазным объективизмом и космополитизмом любая «идейная связь» с дореволюционными историками или зарубежными коллегами могла стоить карьеры.

В середине 1990-х гг. Д.М. Володихин выдвинул идею о широком распространении в советской исторической науке «марксопозитивизма», представлявшего «позитивизм – оговоренный в марксистские оттенки, но далекий по своей сути от марксистской философско-методологической парадигмы исследовательский стиль», при этом «он существовал совершенно официально, и его не хлестали розгами»²⁵. В подобных работах марксистские высказывания, терминология и цитаты играли роль «елочных игрушек», предписанных исключительно «этикетом» и не несущих на себе смысловой нагрузки.

Полагаем, суждение Д.М. Володихина верно для значительной части написанных советскими историками работ. Однако, что позволяло

²⁴ П.П. Смирнов умер в апреле 1947 г., так и не успев опубликовать свой ответ оппонентам. Возможно, это и «спасло» его от идеологического преследования.

²⁵ *Володихин*. С. 34.

«марксо-позитивизму» столь успешно существовать и развиваться? Дискуссия 1946 г. дает возможность выделить как минимум два канала, позволявших легитимировать и встраивать в формально новую картину хода исторического процесса концептуальные построения, порожденные иной, немарксистской методологией. Во-первых, это самый надежный способ, манипуляции с цитатами «классиков» и партийных идеологов (П.П. Смирнов, В.В. Мавродин). При этом не столь важно, в какой контекст вписано то или иное их положение, не противоречит ли оно основным идеям, высказанным тем же самым автором, не изменилась ли его точка зрения впоследствии. Подбор нужных цитат, конечно же, требовал определенного мастерства, но для советских историков это была неотъемлемая часть их профессии. Во-вторых, это указание Ф. Энгельса на возможность влияния надстройки на исторический процесс (С.В. Юшков, К.В. Базилевич, редколлегия «Вопросов истории»). Достаточно лишь отказать изучаемому факту в «крупном историческом значении», отнести его к «форме» проявления исторической закономерности, и тогда вполне возможно отойти от принципов классового анализа, монофакторного видения исторического процесса и т.д. При этом не стоит опасаться совпадения с концептуальными построениями «буржуазных» историков, так как разделяемая советскими учеными идея об объективном характере исторических закономерностей предполагает наличие единого для всех исследователей предмета изучения, что неизбежно должно породить и совпадения в их выводах (И.И. Смирнов).

Конечно же, указанные каналы легитимации чуждых для марксизма концептов оформились задолго до дискуссии 1946 года и продолжили свое существование после нее, вплоть до того момента, когда крушение СССР окончательно уничтожило систему идеологического контроля над наукой и, как следствие, саму необходимость мимикрии, приспособления к «единственно верному» представлению о ходе общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Базилевич К.* К вопросу об исторических условиях образования Русского государства (по поводу статьи проф. П.П. Смирнов) // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 26-44.
- Володихин Д.М.* Очерк методологии А.А. Зимина // Вестник Университета РАО. 1996. № 1. С. 30-47.
- Гордон А.В.* Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009.
- Данилова Л.В.* Изучение истории средневековой России // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. С. 110-187.
- Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е гг. М., 2012. Т. 1-2.

- Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск, 2005.
- Дубровский А.М.* Неопубликованные работы П.П. Смирнова в ОР ГБЛ // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989. С. 228-234.
- Дубровский А.М.* П.П. Смирнов - историк городов феодальной России // Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 91-101.
- Коломієць Н.А.* Життя і доля професора П.П. Смирнова: історико-біографічний нарис // Історичний журнал. 2006. № 2. С. 93-99.
- Крих С.Б., Метель О.В.* Советская историография в контексте мировой историографической мысли. М., 2014.
- Мавродин В.* Несколько замечаний по поводу статьи П.П. Смирнова «Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв.» // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 45-54.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 28. М., 1962; Т. 37. М., 1965.
- Об образовании централизованного Русского государства (к итогам дискуссии) // Вопросы истории. 1946. № 11. С. 3-11.
- Сахаров А.М.* Проблема образования Русского централизованного государства в советской историографии // Вопросы истории. 1961. № 9. С. 70-88.
- Сахаров А.М.* Изучение социально-экономических основ объединения русских земель в советской исторической литературе // История СССР. 1974. № 6. С. 72-92.
- Смирнов И.* О путях исследования Русского централизованного государства (по поводу статьи проф. П.П. Смирнова) // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 30-44.
- Смирнов П.* Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. // Вопросы истории. 1946. №2/3. С. 55-90.
- Шевелева В.П.* Образ «красного профессора» (по материалам журнал «Историк-марксист») // Вестник ЧелГУ. 2008. № 21(99). История. Вып. 22. С. 147-163.
- Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.
- Юшков С.* К вопросу об образовании Русского государства в XIV-XVI веках (по поводу статьи П. П. Смирнова) // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 55-67.

REFERENCES

- Bazilevich K.* K voprosu ob istoricheskikh usloviyakh obrazovaniya Russkogo gosudarstva (po povodu stat'i prof. P.P. Smirnov) // Voprosy istorii. 1946. № 7. S. 26-44.
- Volodihin D.M.* Oчерk metodologii A. A. Zimina // Vestnik Universiteta RAO. 1996. № 1. S. 30-47.
- Gordon A.V.* Velikaja Francuzskaja revoljucija v sovetskoj istoriografii. M., 2009.
- Danilova L.V.* Izuchenie istorii srednevekovoj Rossii // Oчерki istorii istoricheskoi nauki v SSSR. M., 1985. S. 110-187.
- Druzhinin P.A.* Ideologija i filologija. Leningrad, 1940-e gg. M., 2012. T. 1-2.
- Dubrovskij A.M.* Istorik i vlast': istoricheskaja nauka v SSSR i koncepcija istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930-1950-e gg.). Brjansk, 2005.
- Dubrovskij A.M.* Neopublikovannye raboty P.P.Smirnova v OR GBL // Arheograficheskij ezhegodnik za 1988 god. M., 1989. S. 228-234.
- Dubrovskij A.M.* P.P. Smirnov - istorik gorodov feodal'noj Rossii // Russkij gorod. M., 1983. Vyp. 6. S. 91-101.

- Kolomic' N.A.* Zhittja i dolja profesora P.P. Smirnova: istoriko-biografichnij naris // Istorichnij zhurnal. 2006. № 2. S. 93-99.
- Krih S.B., Metel' O.V.* Sovetskaja istoriografija v kontekste mirovoj istoriograficheskoj mysli. M., 2014.
- Mavrodin V.* Neskol'ko zamechanij po povodu stat'i P.P. Smirnova *Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV-XV vv.*» // Voprosy istorii. 1946. № 4. S. 45-54.
- Marks K., Jengel's F.* Soch., 2-e izd. T. 28. M., 1962; T. 37. M., 1965.
- Ob obrazovanii centralizovannogo Russkogo gosudarstva (k itogam diskussii) // Voprosy istorii. 1946. №11. S. 3-11.
- Saharov A.M.* Problema obrazovanija Russkogo centralizovannogo gosudarstva v sovetsoj istoriografii // Voprosy istorii. 1961. № 9. S. 70-88.
- Saharov A.M.* Izuchenie social'no-jekonomicheskikh osnov ob"edinenija russkikh zemel' v sovetsoj istoricheskoi literature // Istorija SSSR. 1974. № 6. S. 72-92.
- Smirnov I.* O putjah issledovanija Russkogo centralizovannogo gosudarstva (po povodu stat'i prof. P.P. Smirnova) // Voprosy istorii. 1946. № 4. S. 30-44.
- Smirnov P.* Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV-XV vv. // Voprosy istorii. 1946. №2/3. S. 55-90.
- Sheveleva V.P.* Obraz «krasnogo professora» (po materialam zhurnal «Istoriik-marksist») // Vestnik ChelGU. 2008. № 21(99). Istorija. Vyp. 22. S. 147-163.
- Jurganov A.L.* Russkoe nacional'noe gosudarstvo: zhiznennyj mir istorikov jepohi stalinizma. M., 2011.
- Jushkov S.* K voprosu ob obrazovanii Russkogo gosudarstva v XIV-XVI vekah (po povodu stat'i P.P. Smirnova) // Voprosy istorii. 1946. № 4. S. 55-67.

Базанов Михаил Александрович, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов Государственного учреждения «Объединенный государственный архив Челябинской области» (ГУ ОГАЧО). bazanov.86@mail.ru

**Debates on the emergence of the Russian centralized state (1946)
revisiting the reception of the pre-revolutionary research traditions
by Soviet historiography**

The article is based on the materials of academic debates, which show the methods employed by the Soviet scholars in order to legitimize concepts alien to Marxism. The first method was to manipulate the citations from the works of the founders of Marxism-Leninism; the second was connected to the idea of Friedrich Engels of the possibility of the influence of superstructure on the course of history.

Keywords: Soviet historiography, 'Bourgeois-feudal' historiography, Marxism, citation, basis, superstructure, legitimation.

Mikhail Bazanov, Leading archaeographer of Department of publication and scientific use of documents of the United State Archive of Chelyabinsk region; bazanov.86@mail.ru